

Александр Гарцев

Я ухожу

Александр Гарцев

Я ухожу

«Автор»

2026

Гарцев А.

Я ухожу / А. Гарцев — «Автор», 2026

Новое произведение писателя Александра Гарцева «Я ухожу» — это честный и пронзительный роман о том, как женщина после пятидесяти находит в себе силы сбросить маску удобной супруги. Это история о разводе, который обернулся началом самой крепкой любви, и о том, что настоящее семейное гнездо строится не из квадратных метров, а из умения вовремя отпустить свою прошлую жизнь. Куда? Конечно, в прошлое.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Александр Гарцев

Я ухожу

Глава 1. Золотая пыль чужого счастья

Лидия Павловна Зимина стояла в прихожей перед огромным, во весь рост, зеркалом и пыталась найти на своем лице следы пятидесяти восьми прожитых лет. Зеркало — массивное, в тяжелой ореховой раме, купленное Аркадием еще в девяностые по какому-то бартеру с мебельной фабрикой — было безжалостным. Оно отражало прямую спину, аккуратный пучок пепельных волос, перехваченный дорогой черепаховой заколкой, и идеальный узел шелкового платка на шее.

Платок стоил как треть ее месячной зарплаты бухгалтера. Лида знала это точно, потому что сама вела ведомости.

— Лидуша, ты скоро? Мы опоздаем к Гордеевым! — голос Аркадия Сергеевича донесся из гостиной, гулкий и нетерпеливый, словно он отдавал приказ начальнику цеха запустить новый станок. — Такси через семь минут. Я паспорт проверил, билеты на поезд положил во внутренний карман. Ветровка нужна?

Ветровка. В конце июля. Аркадий всегда мерз в кондиционируемых вагонах бизнес-класса. Он вообще постоянно мерз, хотя температура его собственного внутреннего накала могла плавить сталь.

— Иду, Аркаша, — отозвалась Лида, одернула подол льняного платья-футляра цвета топленого молока и провела пуховкой по носу.

Пудра осела на коже мелкой золотой пылью. Сегодня эта пыль казалась ей кладбищенской.

Они ехали на золотую свадьбу Виктора и Тамары Садковых. Громкое событие для их закрытого круга заводской элиты. Сорок пять лет вместе. Почти столько же, сколько они с Аркашей. Но Садковы почему-то вызывали у Лиды не зависть, а глухую, сосущую тоску под ложечкой.

Виктор Петрович вышел на пенсию два года назад, продал свою директорскую «Ауди» и купил старую «Волгу». Теперь он каждое утро возит Тамару на дачу, сам поливает огурцы и печет хлеб в старой русской печи. Когда месяц назад Лида увидела фотографию этого хлеба в общем чате женсовета завода — ноздреватого, ржаного, с трещинками на корке — она впервые за тридцать лет заплакала прямо над квартальным отчетом. Ей вдруг отчаянно захотелось такого же хлеба. Не багета из «Азбуки вкуса», который молчаливо приносил водитель Аркаши, а вот этого — тяжелого, пахнущего жизнью и кислым тестом.

Такси мягко затормозило у ресторана «Царский двор». Аркадий Сергеевич выбрался из машины первым, обошел капот, открыл дверь жене. Рука у него была сухая, горячая и жесткая, как подошва утюга. — Держись, кавалер, — улыбнулась Лида, вкладывая пальцы в его ладонь. — Галина... тьфу, Лидия, держу, — привычно отмахнулся он, вечно путавший имена всех женщин старше сорока. Для него существовала только номенклатура: жена, бухгалтер, официантка.

В зале уже гудело. Белые скатерти, хрусталь, тяжелый запах дорогих духов. Виктор Петрович стоял посреди зала — грузный, седовласый, со счастливым, красным от выпитого лицом. Увидев Аркадия, он распахнул объятия: — Генерал! Сколько лет, сколько зим! А я смотрю — кого там моя Томочка тащит? Своего или моего? Вы ж на одно лицо теперь!

Аркадий довольно хохотнул, облапывая старого друга. Мужчины хлопали друг друга по плечам так, что звенели медали на парадных пиджаках (которые оба надели просто по привычке быть при параде). Они говорили о госзаказе, об импортозамещении подшипников, о молодых дураках-начальниках цехов.

Лидия отошла к фуршетному столу. Она смотрела на своего мужа и видела безупречный механизм. Идеально смазанный, работающий без сбоев почти шестьдесят лет. Вот он смеется шутке Виктора — громко, запрокинув голову. Вот поправляет манжету рубашки. Вот машет рукой Денису, своему старшему сыну-айтишнику, который прилетел ради отца из самой Москвы, хотя терпеть не мог эти провинциальные сборища. Денис кивнул отцу каменным подбородком точь-в-точь как Аркадий. Порода.

К Лиде подплыла Тамара Ивановна. Подруга юности. Лицо в сеточке морщин, глаза блесят от слез умиления. — Лидушка, золотце мое! — она взяла руки Лиды в свои пухлые ладони. — Смотришь на Витеньку моего? Хорош ведь? А помнишь, как мы с тобой на танцах в ДК дрожали, когда они к нам подойти решились? — Помню, Тома, — тихо ответила Лида, чувствуя, как фальшивый бриллиант в ухе неприятно холодит шею. — Ты выглядишь чудесно. — Ох, Лидка, счастливая ты, — жарко зашептала Тамара, дыша на нее запахом шампанского и котлет. — Живешь как сыр в масле катишься. Директор! Квартира! Дети вон какие орлы выросли. Гордость одна! Я ж помню, как твой Аркаша тебя на руках носил, когда Коленька родился. Прямо в роддоме качал, пока медсестра не заругалась. Сокровище, а не мужик.

Слова подруги падали на Лидию тяжелыми камнями. Да, сокровище. Несомненно. Надежный, ответственный, пробивной. Сделал карьеру от мастера до генерального директора градообразующего предприятия. Обеспечил всем. Детям квартиры построил, невесток принял, внукам образование оплачивает.

Но он никогда не носил ее на руках после того случая в роддоме. Никогда. Потому что носить жену на руках — это неэффективная трата энергии. Энергию нужно направлять на выполнение плана пятилетки.

Тамаре подвезли горячее. Она всплеснула руками и упорхнула к мужу. Лидия осталась стоять одна. Она обвела взглядом зал. Все здесь были парными. Даже вдова главного инженера Петрушкина привела какого-то лысого пенсионера-соседа «для мебели».

Только она, глядя на своего идеального, успешного, обожаемого всей областью мужа, чувствовала внутри абсолютную, звенящую пустоту. Холод арктической пустыни.

Она вышла на балкон. Летний вечер дышал остывающим асфальтом и липовым цветом. Внизу сигналили машины. Лида достала из сумочки пачку легких сигарет — тайную, постыдную привычку, которую позволяла себе раз в полгода именно в такие моменты отчаяния. Закурила неумело, дергано, глотая дым.

— Простите, здесь можно упасть вниз головой от тоски, или вы заняли очередь? — раздался рядом тихий мужской голос.

Лида вздрогнула и обернулась. Рядом стоял мужчина. Невзрачный, чуть сутулый, в простом сером пиджаке. Никаких признаков высокого статуса. Только глаза — очень светлые, внимательные, с лучиками морщинок в уголках. Он тоже курил, пряча сигарету в кулак, как школьник.

— Здесь сегодня слишком много позолоты, — неожиданно для себя честно ответила Лида. — Глаза слепит. Мужчина усмехнулся, выпустил струйку дыма: — Виктор празднует. Заслуженный человек. Всю жизнь город тянул. — Мой муж тоже всю жизнь тянет, — сказала Лида и тут же испугалась своих слов. Зачем она жалуется незнакомцу? На кого? На Аркадия Сергеевича Зимина? — А вы? — спросил мужчина просто, без тени удивления. — Вы что тянете?

Лида посмотрела на свою руку с сигаретой. Маникюр был идеальным, салонным, сделанным вчера специально к выходу. Кольцо с сапфиром сидело плотно.

— Я? — переспросила она. — Я, кажется, ничего. Я просто декорация. Фоном работаю. Жена успешного человека.

Мужчина внимательно посмотрел на нее, потом перевел взгляд обратно в душный зал, где гремел оркестр и танцевали пожилые пары.

— Знаете, — сказал он задумчиво, — мой отец был токарем высшего разряда. Делал детали для ракет. Он говорил: если деталь идеально встает в паз — это признак великого мастерства. Но иногда самая главная деталь в механизме та, которая позволяет всему этому железу дышать. Прокладка. Или пружинка. Без них самый лучший мотор просто разорвет от давления.

Он докурил, аккуратно затушил окуроченное дно пустой консервной банки, стоящей на перилах, и бросил его туда. — Приятно было познакомиться, декорация. Пойду спасать свой мотор, пока его не разорвало. Супруга ищет.

Он коротко кивнул и скрылся за стеклянной дверью балкона.

Лида осталась стоять. Слово «декорация» больше не казалось ей обидным. Оно казалось диагнозом.

Из зала снова высунулся Аркадий. Его лицо покраснело сильнее, галстук съехал набок. — Лида! Ну куда ты пропала? Тамада конкурс объявляет! Кто дольше всех женат! Нам кричать надо будет! Опозоримся!

Он смотрел на нее своим обычным взглядом — требовательным, хозяйским, любящим по-своему. Взглядом начальника, которому срочно понадобился секретарь для подписи бумаг.

Лида глубоко вдохнула липовый воздух, загасила недокуренную сигарету о ту же самую консервную банку, где покоился окуроченный светлоглазого незнакомца, и повернулась к двери.

Руки больше не дрожали. Внутри зрела странная, холодная ясность. Если она декорация, значит, ее можно снять. Или заменить. Или просто убрать в коробку.

— Иду, Аркаша, — сказала она в темноту балкона, прежде чем шагнуть в ослепительный свет чужой золотой свадьбы. — Уже иду.

И сделала первый шаг навстречу своей новой жизни, даже не подозревая, что этот шаг ведет напрямик к разводу на сорок пятом году брака.

Глава 2. Синдром отличницы

Таксист гнал по ночному проспекту, и желтые фонари сливались в сплошную тревожную полосу. Аркадий Сергеевич спал на заднем сиденье, откинув голову и приоткрыв рот. Во сне он похрапывал — тихо, басовито, как прогревающийся дизельный генератор. Лида смотрела на его тяжелый профиль, на глубокие залысины, блестящие от салонного света, и пыталась воскресить в памяти то чувство восторга, которое испытывала девчонкой, когда этот взрослый, серьезный мужчина впервые взял ее под руку.

Ничего не получалось. Память подсовывала вместо юности только цифры: год свадьбы — тысяча девятьсот восьмидесятый, стоимость первого ковра — сто двадцать рублей, процентная ставка по ипотеке для Дениски — одиннадцать годовых. Любовь Аркадия всегда имела форму справки о доходах.

— Разбуди меня у «Пятерочки», Лидусь, — вдруг отчетливо произнес муж, не открывая глаз. — Творог нужен. Девятый процент. Тот, что я люблю, они к вечеру обычно завозят.

Лида вздрогнула. Он знал ассортимент молочного отдела круглосуточного магазина лучше, чем она сама. — Спи, Аркаша. Я схожу. Ты дома оставайся.

В магазине пахло хлоркой и несвежей рыбой. Пол был мокрым после мытья, а лампы под потолком мигали с частотой медленно сходящего с ума рассудка. Очередь состояла из двух студенток за дешевым вином и помятого мужчины с бутылкой воды.

На кассе сидел совсем юный парень. Когда подошла очередь Лиды, он долго смотрел на пачку творога, потом на экран монитора, потом снова на творог. — Женщина, это акция «два по цене одного», — наконец сообщил он тоном прокурора. — Вы вторую не взяли. — Мне не нужна вторая, — мягко улыбнулась Лида. Она сорок лет работала бухгалтером и знала цену каждой копейке, но сейчас ей было невыносимо лень спорить. — У нас программа так бьет, — отрезил парень. — Если берете товар по акции, должны брать кратно. Иначе касса заблокируется. Идите, возьмите вторую пачку.

И тут внутри Лиды Павловны Зиминной что-то щелкнуло. Тихо, сухо, как ломается старая шестеренка. Сорок пять лет она была идеальной женой идеального директора. Она никогда не повышала голос, чтобы не портить репутацию мужа. Она носила шпильки по льду, чтобы выглядеть достойно на заводских банкетах. Она рожала детей, вела хозяйство, терпела све-кровь и делала квартальные отчеты до четырех утра, потому что «Аркаше завтра выступить перед министерством».

Она жила по чужой программе. Всегда кратко. Всегда правильно.

— Молодой человек, — Лидия Павловна положила руки на кассу. Голос ее стал ледяным, стальным — тем самым голосом, которым директор завода общается с проштатившимися прорабами. — Посмотрите на меня внимательно. Видите эту женщину? Это жена генерального директора оборонного предприятия. Мой муж платит налоги, на которые содержится ваш магазин, ваша управляющая компания и, подозреваю, ваша мама. Я хочу купить одну пачку творога. Одну. Не две. Если ваше программное обеспечение способно управлять ядерным реактором, но пасует перед кисломолочкой, мне жаль вашу системную администрацию. Пробивайте одну пачку. Или зовите старшего менеджера. Прямо сейчас. При всех этих людях.

Парень побелел. Очередь замерла. Лица студенток вытянулись. Кассир сглотнул, судорожно нажал кнопку отмены позиции и пробил злосчастный творог по полной стоимости. — Сто сорок два рубля, — прошелестел он.

Лида расплатилась картой, забрала чек и вышла из магазина царственной походкой женщины, только что совершившей государственный переворот. В одной руке — сумочка Биркин (подарок Аркадия на рубиновую свадьбу), в другой — одинокое зло социальной справедливости в пластиковом стаканчике.

Дома пахло дорогим парфюмом и усталостью. Аркадий уже перебрался из прихожей на кухню, включил электрический чайник и теперь стоял над разделочной доской в одних пижамных брюках. Его широкая спина загородила половину прохода.

— Достань хлебницу, — бросил он через плечо. — И масло. Только «Тысячу озер», деревенское я утром резать замучился, крошится.

Он даже не спросил, почему она задержалась. Для него мир функционировал исправно: такси приехало, жена вернулась с продуктами, холодильник полон. Механизм работал.

Лида молча достала масленку. Поставила на стол свою единственную пачку творога. Аркадий обернулся, посмотрел на белый пластиковый стаканчик, потом на жену. — А вторая где? — нахмурился он. — Там же акция была. По скидке. Зачем переплачивать?

Это стало последней каплей. Акция. Складской учет продуктов питания в масштабах отдельно взятой кухни. Контроль дебиторской задолженности сметаны.

— Аркаша, — начала Лида очень тихо. Так тихо начинались все самые страшные ревизии на заводе. — Скажи мне, пожалуйста. Мы счастливы?

Аркадий перестал намазывать масло. Нож завис над куском бородинского. Он поднял на нее свои честные, прозрачные глаза человека, который искренне уверен, что дважды два — это просто дважды два. — Что за вопросы в третьем часу ночи, Лид? Конечно, счастливы. Все есть. Дети устроены. Квартира вон какая. Дача строится. Чего тебе еще? Живи да радуйся. Давай ешь, остынет.

Он говорил правильные слова. Идеально правильные. Но в них не было ответа. Он ответил на вопрос о бюджете семьи, о логистике недвижимости, об эффективности вложений в потомство. Но он понятия не имел, счастлива ли женщина, стоящая перед ним в шелковом платье, испачканном дорожной пылью чужого праздника.

— Я устала, — сказала Лида. — Ну иди ложись, чего стоишь, — добродушно кивнул Аркадий, возвращаясь к бутерброду. — Я скоро. Надо почту рабочую глянуть, там цех литейный опять брак погнал. Заманали, черти. Без меня гайки закрутить некому.

Он сел за ноутбук прямо здесь, на кухне. Спина ссутулилась над клавиатурой, пальцы стремительно забегали по клавишам. *Тр-р-р-р-тр-р-р-р*. Звук печати. Звук его жизни.

Лида прошла в спальню. Огромная кровать с ортопедическим матрасом занимала почти всю комнату. На своей половине лежала свежая пижама Аркадия — он всегда готовил себе одежду на утро с вечера, соблюдая производственный регламент сна.

Лида села на край кровати. Посмотрела на свое отражение в дверце шкафа-купе. Золотая пыль вечернего макияжа окончательно осыпалась, обнажив серую, уставшую кожу. Декорация сняла маску.

Она встала, подошла к своему комоду. Открыла нижний ящик, где среди стопок отглаженного белья хранилась шкатулка красного дерева. Внутри, помимо орденских книжек Аркадия и золотых цепочек, лежал паспорт. Ее паспорт.

Лида открыла страницу семейного положения. Штамп ЗАГСа исполкома города Горького. Восемнадцатилетняя девочка Галя выходит замуж за курсанта Виктора... Нет, тогда уже жениха Аркадия. Дата — день в день с ее совершеннолетием. Символично. Красиво. Как в кино.

Она провела пальцем по фиолетовым чернилам. Сорок пять лет. Ни единого прочерка. Ни одного загса, ни одного развода. Одна непрерывная линия судьбы, пришитая к судьбе другого человека суровыми нитками общественного приличия.

«Не подумать ли и о себе?» — вспомнила она свой внутренний голос с балкона ресторана.

Из кабинета донеслось победное «Ага! Есть!» Аркадия. Нашел причину брака. Починил станок. Спас план.

Лида закрыла ящик. Легла в постель, натянув одеяло до подбородка. Сон не шел. За стеной ритмично дышал муж, прерываясь на короткие всхлипы клавиатуры. Самый надежный, самый лучший, самый правильный муж на свете. Муж, которого совершенно невозможно разлюбить, потому что нельзя разлюбить бетонную стену или систему центрального отопления.

Но жить рядом с батареей и чувствовать тепло — разные вещи. Батарея греет квартиру. Она никогда не согреет ладони.

Утром предстоял разговор с риэлтором Элеонорой Марковной. Аркадий давно предлагал разменять их огромную советскую «сталинку» в центре на две современные студии — ему для работы ближе к заводу, ей... ну, тоже где-нибудь. Тогда Лида отказывалась. Теперь эта идея казалась единственным выходом. Первым шагом к тому, чтобы перестать быть фоном.

Она закрыла глаза. Перед внутренним взором почему-то стояли не чертежи заводов и не лица сыновей, а неумелые акварельные разводы на дешевой бумаге и светлые глаза незнакомца, назвавшего ее главной деталью механизма. Прокладкой. Той, что позволяет дышать.

Лида повернулась на бок, спиной к сопящему мужу, и впервые за много лет позволила себе заплакать в подушку. Не горько, не жалобно, а зло. Слезами женщины, которой надоело быть правильной.

Глава 3. Квадратные метры нелюбви

Элеонора Марковна пахла горьким миндалем и безжалостным успехом. Ее брючный костюм цвета мокрого асфальта стоил, как подержанная «Лада», а на запястьях поблескивали часы, циферблат которых менял картинки в зависимости от курса валют.

Она вошла в квартиру Зиминых не так, как входят гости — робко разуваясь у порога или восхищенно цокая языком при виде лепнины. Она вошла как ревизор из налоговой. Окинув прихожую цепким взглядом профессионального хищника, она достала лазерную рулетку.

— Так, Лидия Павловна, Аркадий Сергеевич, здравствуйте. Не будем терять время ликвидности, — Элеонора шагнула прямо в гостиную, по пути сбив носком дорогого ботильона край персидского ковра. — Стены несущие? Перепланировку узаконивали?

Аркадий Сергеевич, вышедший встречать риэлтора в идеальном костюме-тройке (он даже дома жил по протоколу), нахмурился: — Какие перепланировки, голубушка? Дом сталин-

ский, монолитный. Тут только перегородки гипсокартоном обшиты. Мы люди старой закалки, живем по закону. — Это вы сейчас про Жилищный кодекс говорите? — Элеонора щелкнула кнопкой рулетки. Металлический язычок с тихим шипением впился в стену. — Я говорю про деньги. Девяносто два квадрата. Центр. Потолки три двадцать. Здесь миллионов на сорок тянет. Если кухню объединить с залом и сделать остров, скинуть этот ужасный паркет елочкой и залить все микроцементом — будет евротрешка за шестьдесят. Рынок сейчас жадный, но такие локации глотают не жуя.

Лида стояла у окна, кутаясь в кашемировую шаль. От слов «микроцемент» и «евротрешка» веяло таким космическим холодом, что становилось зябко. Для нее это была не квартира. Это был мавзолей их семейной жизни. Вот здесь, у этого серванта, они собирали Дениску в первый класс. Вот тут стоял раскладной диван, на котором спал Пашка, пока рос, потому что детская была проходная. По этому дубовому паркету ступали ноги министров, замов губернатора и ее собственных подруг, которые теперь сидели на дачах и пекли хлеб.

— Нам не нужен микроцемент, — ровным голосом сказала Лида. — Нам нужно две квартиры. Размен. Прямая продажа нам не интересна.

Элеонора наконец опустила рулетку и посмотрела на Лидию Павловну впервые с человеческим интересом. До этого момента она видела в ней лишь обременение собственника — пожилую женщину без права голоса. — С чистого листа начинаем, значит? — усмехнулась риэлтор. — Хорошо. Глянем план. Значит, делим вашу красоту пополам. Что имеем? Огромная гостиная — тридцать пять метров. Спальня ваша — восемнадцать. Детская вторая — пятнадцать. Кухня — двенадцать. И кабинет Аркадия Сергеевича — тоже около двадцати, я полагаю? — Двадцать два, — педантично уточнил Аркаша. — Там стеллажи встроенные до потолка, библиотечные. Красное дерево. Делали на заказ.

У Лиды внутри что-то оборвалось. Библиотека. Его святилище. Три тысячи томов классиков марксизма-ленинизма, технической литературы и серии «Жизнь замечательных людей». Он никогда их не читал — просто смотрел на корешки во время совещаний по селектору. Но библиотека давала ему статус Интеллектуала.

— Господа, давайте смотреть правде в глаза, — Элеонора села на подлокотник кресла, закинув ногу на ногу. — Вы хотите распилить алмаз надвое и получить два алмаза. Так не бывает. При размене мы теряем минимум процентов двадцать стоимости сразу. Налоги, услуги, дисконт за срочность. Ваш красный кабинет превращается в конуру в Некрасовке. Ваша спальня с эркером — в студию в Бутово. У вас есть куда перевезти библиотеку? В двушке ей места нет. Она сожрет всю площадь. — Мои книги останутся со мной, — отрезал Аркадий. — Я работаю дома. Мне нужна тишина. — А мне где работать? — тихо спросила Лида.

В комнате повисла тяжелая пауза. Тишину нарушало только тиканье напольных часов в углу — старинных, с боем, подарок министра тяжелого машиностроения. — Работать? — бровь Элеоноры взлетела вверх. — Лидия Павловна, простите за дерзость, вам скоро седьмой десяток. Какое «работать»? Вам доживать красиво надо. Курорты, внуки, филармония. Зачем вам эти офисные войны?

И вот тут лед, который копился в душе Лиды с самой сочинской конференции, дал первую трещину. — Затем, Элеонора Марковна, что я устала доживать, — Лида выпрямилась, сбросив шаль на пол. Шелк бесшумно лег на мертвый паркет. — Я сорок пять лет обеспечивала быт человеку, который спасает литейные цеха. Я знаю себестоимость каждой гайки на этом заводе, потому что прятала лишние премии мужа от ОБХСС в восьмидесятых и сводила дебит с кредитом в девяностых. Я хочу быть нужной. Не как жена гения, а как специалист. И для этого мне нужны мои собственные квадратные метры. Мой собственный воздух. Без запаха его одеколона и жареной картошки.

Аркадий медленно поднялся с дивана. Лицо его пошло багровыми пятнами — то ли от гипертонии, то ли от унижения. Риэлтор стала свидетелем краха фасада идеальной семьи.

— Ты совсем ума лишилась, Галина? — голос Аркадия зазвенел генеральской медью. — Какой специалист? Бухгалтер твой давно просрочен! Программы новые ты не знаешь! Сидишь целыми днями чай гоняешь со своей Кирилловной! Куда ты пойдешь?! На кассу в супермаркет?! — Меня зовут Лидия, — поправила она его впервые за десять лет. — И да, Аркаша. Пойду. Если понадобится. Кассир хотя бы знает цену труду, который он видит перед глазами. А ты... ты смотришь сквозь меня уже четверть века. Для тебя я — часть интерьера. Дороже паркета, дешевле библиотеки.

Это было жестоко. Это было несправедливо. Аркадий сделал для нее всё. Буквально всё. Но именно эта тотальная забота, превращавшая ее в комнатное растение, которое вовремя поливают и протирают листья от пыли, душила сильнее любой ненависти.

Элеонора деликатно кашлянула, переводя взгляд с одного супруга на другого. Она чувствовала запах больших денег от развода, но понимала, что клиенты могут перегрызть друг другу глотки прямо на показе. — Так, — хлопнула она в ладоши, прерывая затянувшуюся мхатовскую паузу. — Эмоции отставили. Они стоят дорого, но комиссию не увеличивают. Слушаем сюда. Вариант такой: продаем целиком. Заезжие толстосумы дадут хорошую цену за первичку в центре. Берете себе двоечку в новостройке бизнес-класса. Компактную, современную. Одну. Вторую линию, без вида на Кремль, зато с подземным паркингом. Живете там вместе. А на разницу в цене... — она сделала драматическую паузу, — покупаете мне объект попроще, хе-хе. Шучу. Покупаете однушку-студию. Оформляете на Лидию Павловну. Или сдаете. Или делаете там офис. Святая святых. Место силы. Годится?

Аркадий молчал, тяжело дыша. Идея жить в «двоечке» вместо дворца его явно оскорбляла, но перспектива потерять лицо перед посторонним человеком пугала еще больше. Быть брошенной женой-директору завода не к лицу. Быть жертвой обстоятельств в новой квартире — приемлемо.

— Я изучу варианты, — сухо бросил он, глядя мимо Лиды. — Дайте презентацию. И каталоги.

Когда Элеонора, оставив глянцевые буклеты на стеклянном столике, наконец удалилась, звякнув ключами от чужого счастья, Аркадий подошел к бару. Нервно плеснул себе коньяка. Выпил залпом. Обернулся.

— Ты довольна? — спросил он глухо. — Опозорила меня перед девчонкой. «Кассиром пойду»... Да кому ты нужна, Лида? Кто на тебя посмотрит? Седая, морщинистая...

Он хотел ударить побольнее. Попасть в самое уязвимое место женщины после пятидесяти.

Лида подошла к зеркалу в тяжелой раме. Посмотрела на свое отражение. Да, седая. Да, морщины вокруг глаз — глубокие, лучистые. Но впервые за долгие годы она не увидела в стекле испуганную домохозяйку. Из зеркала смотрела женщина с абсолютно прямой спиной и пустотой в глазах. Пустота — это начало всего. Это чистый лист.

— Может быть, никто, Аркаша, — спокойно ответила она, поворачиваясь. — А может быть, человек, которому плевать на мой возраст, если я умею смешивать ультрамарин с белилами. Свободных художников много, рынок насыщенный. Но я попробую выставиться.

Она развернулась и пошла в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Не хлопнув — именно прикрыв. Тихо, но окончательно. Замок защелкивать она не стала. Пока.

Оставшись один, Аркадий Сергеевич Зимин долго смотрел на закрытую дверь. Впервые за сорок пять лет он почувствовал себя не директором предприятия, а сторожем склада, из которого посреди бела дня вывезли самый главный, самый незаменимый актив. Ему стало страшно. Не от того, что он остается один. А от того, что он внезапно понял: последние сорок пять лет он вообще не знал эту женщину. Просто пользовался ею, как идеальным источником бесперебойного питания.

А аккумуляторы имеют свойство взрываться, когда напряжение падает до нуля.

Глава 4. Августовское пекло

Середина августа в городе напоминала раскаленную сковороду, на которой забыли убавить огонь. Асфальт плавился и дышал густым запахом битума, старые тополя вдоль проспектов роняли клейкие почки, а небо выцвело до состояния застиранной голубой простыни.

Самое сердце бюрократического ада — отделение Росреестра. Лида стояла у окна выдачи талонов электронной очереди под номером «D-45». Кондиционеры здесь работали с тем же надрывным отчаянием, с каким советские моторы пытались перевыполнить план пятилетки: они гудели, плакали конденсатом прямо на линолеум, но не приносили ни капли прохлады. Воздух пах озоном, пылью и чужим потом.

Лидия Павловна сидела на жестком пластиковом стуле уже сорок минут. На коленях лежала папка с документами — свидетельство о праве собственности, свежая выписка из ЕГРН, нотариальное согласие супруга на продажу совместно нажитого имущества. Тот самый документ, ради которого она сюда пришла.

Аркадий подписал его вчера вечером. Молча. Он пришел в ее комнату (она теперь называла это пространство своим кабинетом), положил ручку на стопку бумаг и вышел, так и не взглянув ей в глаза. Подпись была размашистой, нервной, царапающей бумагу. Это был первый проигрыш генерала за всю кампанию.

— D-45! Окно номер три! — каркнул металлический голос из динамика.

В окне номер три сидела девушка-феечка с идеально уложенными волосами и лицом человека, давно смирившегося с неизбежностью тепловой смерти Вселенной. Она взяла Лидину папку, словно жабу — двумя пальцами. — Так... Продажа объекта целиком... Нотариальное согласие есть... А чего сами-то пришли? Риэлтор где? — Мой риэлтор оформляет сделку со стороны покупателя в центральном офисе, — сухо ответила Лида. — Я предпочитаю контролировать переход права собственности лично. Это мое единственное жилье. — Ну смотрите, ваше право, — фыркнула феечка, вбивая данные. — Ой, тут ошибка в паспортных данных мужа. У вас серия паспорта шесть тысяч тридцать пять, а в согласии — шесть тысяч пятьдесят три. Опечатка. Аркадий Сергеевич небось сам писал? — Да, — кивнула Лида. Сердце пропустило удар. Если сейчас выяснится, что нужно переделывать нотариуса... — Ладно, бывает, — неожиданно смиростивилась регистраторша. — Распишитесь вот здесь, что ознакомлены с приостановкой регистрации в случае несоответствия. Но я вам как человек человеку скажу: если муж придет со своим оригиналом паспорта на подачу документов живой очередью, мы эту цифру просто зачеркнем и исправим по базе. Мужьям веры больше.

Лида вышла на улицу, чувствуя, как августовский зной обнимает ее влажной, липкой ладонью. В кармане жужжал телефон. Сообщение от Павла: *«Мам, выручай. Фрезер накрылся. Налоговая лютует. Батя даст?»*

Лида остановилась посреди тротуара. Мимо текла река раздраженных горожан с пакетами из супермаркета. Ей вдруг стало невыносимо тесно в этом городе, среди этих пыльных листьев и вечных проблем. Проблем, которые решались только деньгами Аркадия или ее слезами.

Она набрала сына. — Пашенька, привет. Слушай меня внимательно. Денег отец сегодня не даст. Вообще. Мы продаем квартиру. На том конце провода повисла оглушительная тишина, прерываемая шумом дороги. — Как продаете? — наконец выдал Пашка. — Вы с дуба рухнули? Куда вы денетесь? Вам по шестьдесят лет! — Туда, где нас не будут называть мебелью, сынок, — спокойно ответила Лида. — И передай брату, чтобы он перестал слать мне бухгалтерские сводки твоего банкротства. Мне надоело быть вашим кредитным отделом. Живите сами. По-настоящему.

Она сбросила вызов. Руки дрожали. Впервые в жизни она сказала «нет» не истерикой, а ледяным спокойствием. Это было страшнее любого крика.

Чтобы успокоиться, Лида пошла пешком через старый городской сквер. Здесь, в тени вековых вязов, жара казалась чуть менее плотной. Она села на скамейку рядом с фонтаном, который выключили еще в июле из-за экономии воды. Чаша фонтана была пуста, покрыта слоем окурков и тополиного пуха.

— Не помешаю?

Лида подняла голову. Рядом стоял Евгений Борисович. Тот самый случайный знакомый с сочинского балкона. Без галстука, в светлой льняной рубашке с закатанными рукавами. В руках он держал бумажный стаканчик с кофе и бумажный пакет, источающий божественный аромат свежей выпечки.

— Откуда вы здесь? — растерялась Лида. Москва — огромный город, встретить знакомого случайно невозможно. Значит, либо судьба, либо он следил. Второе пугало. — Работа закончилась раньше, — улыбнулся он, присаживаясь на край скамейки. — Решил прогуляться. Увидел самую красивую женщину района, которая выглядит так, будто только что похоронила любимую канарейку, но завещание оставила врагам. Что случилось? Документы потеряли?

Простота, с которой он это сказал, обезоруживала. Ему даже не требовалось лезть в душу — он просто констатировал факт, глядя на ее лицо. — Хуже, — Лида горько усмехнулась. — Нашла. Оказывается, мой муж пишет цифры в паспорте хуже первоклассника. Из-за одной опечатки вся империя может рухнуть. А дети... дети решили, что мы обязаны спасти их бизнес-шкурки вечно. — Дети всегда считают родителей своей безлимитной страховкой, — кивнул Евгений. — Пока родители позволяют себя грабить.

Он протянул ей бумажный пакет. — Держите. Это круассан. Миндальный. Я почему-то уверен, что вы любите сладкое, хотя ваша фигура говорит об обратном. Значит, едите его редко. Тайком. Обычно ночью, когда никто не видит. Угадал?

Лида заглянула в пакет. Теплый, хрустящий роголик, посыпанный сахарной пудрой. От него пахло Францией, свободой и чем-то запретным. — Угадали, — прошептала она и взяла угощение.

Они сидели молча, слушая гул города. Евгений пил свой остывший кофе, Лида ела круассан. Крошки падали на ее строгую юбку, оставляя белые следы на темно-синей ткани. Ей впервые за много месяцев было все равно, испачкана ли ее одежда.

— Знаете, зачем люди разводятся в нашем возрасте? — спросил Евгений, глядя на пустой фонтан. — Не потому, что ненавидят друг друга. А потому, что им становится слишком тесно в одном гробу. Даже если этот гроб золотой и стоит в центре Москвы. — Мы делим квартиру, — призналась Лида. — Покупаем две студии. Чтобы дышать. — Отличный диагноз, — хмыкнул он. — Раздельное дыхание. Самый здоровый брак, который я видел. Лидия Павловна, позвольте дать совет старого технаря? Когда будете подписывать акт приемки-передачи своих новых стен, проверьте розетки. Иногда счастье кроется в мелочах. Например, в возможности включить торшер там, где хочется тебе, а не там, где разрешил главный инженер дома.

Он поднялся, поправил манжет рубашки. — Мне пора. Моя очередь занимать место в чем-то гробышке тоже подошла. Совещание. Был рад встрече. И перестаньте носить эти бусы из фальшивого жемчуга. Они дешевят вашу шею. Купите себе речной. Или вообще ничего. Ваша шея прекрасна сама по себе.

Евгений ушел в сторону стеклянных башен офисного центра, оставив после себя запах хорошего табака и дорогого парфюма.

Лида посмотрела на свои руки. На пальце тяжело сидел бриллиант Аркадия. Она pokrutila кольцо. Оно казалось чужим, холодным куском углерода.

Документальная ошибка в Росреестре, сломанный фрезер младшего сына и миндальный круассан. Кажется, именно так и начинается землетрясение, которое разрушает фундамент самой крепкой советской постройки. Сначала трескается штукатурка. Потом падает люстра. Главное — успеть выбежать на улицу до того, как рухнут перекрытия.

Глава 5. Сентябрьский синдром

Сентябрь ворвался в город внезапно, словно спохватившийся завхоз, решивший навести порядок после летнего загула. За одну ночь ветер ободрал с тополей половину листвы, небо затянуло низкими свинцовыми облаками, и зарядил мелкий, въедливый дождь. Он не шумел водопадом, а методично царапал стекла окон, смывая с мегаполиса августовскую пыль и остатки курортной беззаботности.

Офис агентства недвижимости «Статус». Лида приехала одна. Аркадий категорически отказался переступить порог этой конторы, назвав Элеонору Марковну «базарной торговкой квадратными метрами». Теперь кабинет риэлтора пах озоном после грозы, дешевым пластиком нового увлажнителя воздуха и нервным ожиданием больших денег.

Элеонора встретила Лиду сияющей улыбкой акулы, почуявшей кровь. — Лидия Павловна, голубушка! У меня для вас две новости. Одна плохая, но ожидаемая. Вторая — просто песня Шостаковича! — Начните с плохого, — Лида сняла мокрый плащ, оставшись в строгом бежевом костюме. Осень диктовала дресс-код: больше никакой легкомысленности. — Покупатель нашелся. На всю квартиру. Один лот. Наличные, — Элеонора торжествующе хлопнула ладонью по распечатке. — Какой-то северный магнат выкупает весь этаж под штаб-квартиру своего фонда. Ему нужна именно эта сталинка. С библиотекой. Сердце Лиды пропустило удар. Библиотека. Красное дерево. Три тысячи томов чужих мыслей, которые были фундаментом самооценки Аркадия. — А хорошая? — Посмотрите на цифры, — Элеонора подвинула к ней планшет. — Они дают цену выше рынка на пятнадцать процентов. Мы закрываем сделку за неделю. Вам даже выезжать никуда не надо, они согласны ждать месяц, пока мы оформим ваши новые гнездышки. Вот ваш вариант, — она развернула ноутбук экраном к Лиде. — Двушка. Новый монолит. Сорок пятый этаж. Окна в пол. Вид на реку. И вот... — палец риэлтора скользнул ниже по монитору. — Ваша прелесть. Студия. Тридцать два квадрата. Бывшая дворницкая в доходном доме девятнадцатого века. Высокие потолки, кирпичная кладка, чугунная ванна прямо посреди комнаты. Риэлторское название лофта — «Творческая мансарда».

Лида смотрела на фотографии студии. Красный кирпич, огромные арочные окна, светлый деревянный пол. Никаких обоев в цветочек. Никакой мебели стенки. Ни одного сантиметра, напоминающего о сорокапятилетнем марафоне идеальных жен. — Я ее беру, — выдохнула Лида. — Уже, — кивнула Элеонора. — Внесла задаток из своих, потом вычтем из комиссии. Мои девочки уже везут туда клининг. Там лет пятьдесят жила какая-то старушка-плюшкин, нужно выгрести тонны пыли. Ну что, зовем генерала на подписание?

Аркадий изучал предварительный договор купли-продажи так, будто это был чертеж новой баллистической ракеты, где закралась ошибка, способная уничтожить Солнечную систему. Он сидел за обеденным столом в их огромной кухне. Свет от люстры падал сверху, подчеркивая каждую складку на его недовольном лице.

— Северный фонд? — переспросил он, не отрывая глаз от бумаг. — Почему я об этом узнаю последним? Это же мои смежники. Я мог бы выбить у них условия получше. — Ты уже не директор, Аркаша, — мягко напомнила Лида, разливая чай. — Ты акционер на отдыхе. Тебе нельзя давить авторитетом. — Не учи меня жить! — он грохнул кулаком по столу. Фарфоровые чашки жалобно звякнули. — Значит так. Квартиру продаем. Деньги делим пополам. Мне — на новую двушку ближе к заводу. Тебе — на твою конуру. Но есть условие. Библиотеку я забираю. Всю. Она мне дорога как память о годах труда.

Внутри Лиды все похолодело до температуры того самого осеннего дождя за окном. Забрать библиотеку означало оставить мужа ни с чем. Голым королем в новых стенах. Это было жестоко, но разве не он оставил ее душу пустой все эти годы? — Нет, — сказала она тихо. — Что значит «нет»? — Аркадий поднял на нее тяжелый взгляд. — Эти книги стоят

дороже твоей студии со всеми потрохами! — Дело не в цене, — Лида села напротив. — Дело в пространстве, Аркадий. В твоей новой квартире панорамные окна. Куда ты поставишь эти гробы из красного дерева? Они задавят тебя. Ты будешь жить в гробу собственной значимости. Оставь себе десяток любимых авторов. Остальное... пусть пойдет людям. Отдай в сельские библиотеки. Сделай доброе дело. Получишь грамоту от Министерства культуры. Повесишь рядом с медалью «За трудовую доблесть». Будет полный комплект регалий.

Это была манипуляция высшего пилотажа. Лида была в самое больное — в его потребность быть правильным, полезным, награждаемым. Лицо Аркадия медленно меняло цвет с багрового на бледно-серый. Он проиграл этот раунд логики женщине, которую считал бытовой техникой. — Ты жестокая, Лида, — прошептал он. — Я думал, ты мягкая. Как пуховая шаль. А ты — наждачная бумага. — Иногда, чтобы счистить старую краску, нужен только абразив, — ответила она.

Он подписал договор. Рука его дрожала. Когда росчерк пера коснулся бумаги в последний раз, звук показался Лиде похожим на треск ломающейся ветки. Старое дерево рухнуло.

Вечером приехал Денис. Без звонка, без предупреждения. Его дорогой кашемировый шарф казался инородным телом в прихожей, пропахшей дождем и картонными коробками, которые принесенные грузчики начали складывать у стены.

— Мать, я вообще не понял кипежа, — начал он с порога, стряхивая капли с лакированных туфель. — Батя звонит, рычит в трубку, что ты пустила нас по миру. Какая студия? Зачем тебе одной тридцать два квадрата? Купи однушку в человейнике, сдашь студентам, будет прибавка к пенсии. Инвестиция! Мам, ну включай голову, ты же бухгалтер!

Денис прошел на кухню, открыл холодильник, поморщился от отсутствия привычных деликатесов (Лида последние дни питалась йогуртами) и достал бутылку воды. — Давай начистоту. Вы разводитесь? Из-за мужика, да? Отец сказал, ты там какого-то хмыря в Сочи нарисовала... — Я никого не рисовала, кроме пейзажей, — устало оборвала его Лида. — Денис, послушай меня. Тебе почти сорок. У тебя двое детей и ипотека. Я люблю тебя. Но моя жизнь закончилась в тот день, когда я начала экономить твои памперсы в пользу облигаций госзайма. Я хочу пожить остаток дней так, как дышу я. А дышу я сейчас через раз. — То есть отец виноват, что он обеспечивал семью, пока ты тут страдала эстетикой? — фыркнул сын, присаживаясь на барный стул. — Классика жанра. Седина в бороду — бес в ребро. Мужика нашла? — Дениска, — Лида подошла к сыну и положила руки ему на плечи. Ее мальчик. Ее точная копия, только упакованная в более дорогую оболочку. — Если бы я нашла мужика, я бы просила у отца деньги на свадьбу, а не на раздел имущества. Я ищу себя. Запиши эту фразу, может, пригодится для презентации перед инвесторами. «Поиск идентичности».

Денис долго смотрел на мать. Впервые за долгие годы он видел перед собой не маму, которая гладит рубашки и печет пироги, а абсолютно незнакомую, холодную женщину с безупречной осанкой. — Ты хоть понимаешь, что батя этого не переживет? — наконец спросил он. — Для него крах библиотеки страшнее инфаркта. Это же кастрация личности. — Пусть учится пользоваться электронной читалкой, — отрезала Лида. — Мир изменился, Денис. Пора обновлять программное обеспечение. И вам с Пашкой тоже советую. Хватит скидывать свои системные ошибки на мой жесткий диск.

Когда за сыном закрылась дверь, Лида прошла в гостиную. Рабочие уже начали снимать полки. Огромные стеллажи зияли пустотой, обнажая желтые обои, которые не видели света полвека. По полу валялись забытые корешки: «Справочник металлиста», Ленин, том восьмой, Жюль Верн.

Она подняла с пола старый фотоальбом в плюшевом переплете. Упала на диван, ноги вдруг перестали держать. Открыла первую страницу. Черно-белое фото. Молодые, смеющиеся

еся Аркадий и она. Ей восемнадцать, платье чуть-чуть жмет в груди. Он держит ее за талию властно, по-хозяйски. Счастливые дети великой страны.

Дождь за окном усилился, барабаня по карнизу похоронный марш их общему прошлому. Лида прижала альбом к груди и заплакала — горько, беззвучно, вздрагивая плечами. Она оплакивала не мужа. Она оплакивала девочку на фотографии, которая еще верила, что любить — это значит навсегда исчезнуть внутри другого человека.

Осень вступала в свои права окончательно, смывая теплой дождевой водой позолоту лета и фальшивых воспоминаний.

Глава 6. Октябрьская изморозь

Октябрь в этом году выдался колючим и прозрачным, словно стекло, по которому с утра провели лезвием бритвы. Воздух стал хрустальным: каждый выдох превращался в облачко пара, а звуки разносились по двору гулко, как удары колокола. Первый заморозок прихватил пожухлую траву серебристой коркой, превратив обычный городской сквер в ледяную пустыню.

Лестничная клетка старого доходного дома — той самой «Творческой мансарды», которую Лида теперь называла своим единственным домом. Пахло здесь не уютном новоселья — свежей краской или деревом, — а пылью веков, сыростью отмытого кирпича и озоном после уборки. Рабочие только что ушли, оставив посреди огромной комнаты-стакана (кухня-гостиная-спальня в одном флаконе) гору строительного мусора и одинокий пластиковый стул.

Лида стояла у панорамного окна во всю стену. Под ней раскинулась Москва-река, свинцовая и неподвижная. По набережной медленно брела одинокая фигурка в ярко-красном дождевике. С такой высоты люди казались муравьями, лишёнными воли и смысла. Именно этого ощущения абсолютной отстраненности ей и не хватало сорок пять лет. Здесь, на сорок пятом этаже, Аркадий со своими планами пятилетки выглядел просто строчкой в старой телефонной книге.

В кармане пальто завибрировал телефон. На экране высветилось: «Аркадий». Она сбросила вызов. Третий за утро. Он звонил каждые полчаса, но Лида была непреклонна. Разговаривать было не о чем. Имущество поделено, ключи переданы, точка невозврата пройдена еще там, в кабинете риэлтора. Теперь они находились в состоянии холодной войны двух независимых государств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.